

Об истоках анонимной русской версии «Марша шпионов» Р. Киплинга

А. Ф. Боголюбов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

Цель статьи – попытаться прояснить генезис анонимной версии «Марша шпионов» (далее А-версии), циркулирующей наряду с его переводами, выполненными А. Оношкович-Яцына и А. Шарповой, а также текстовыми вариациями на тему «Марша» Л. Колосова и В. Ковенацкого. Текстологическая задача рассматривается в тесной связи с собственно композиционным (состоящим в сопоставлении дискурсивных схем), переводческим, лингвостатистическим анализом версий и фрагментов из них. Установлено, что А-версия представляет собой переработку не оригинала Киплинга, а перевода Оношкович-Яцына. Цель такой переработки состояла в том, чтобы согласовать содержание «Марша шпионов» с его названием, то есть вывести тему прославления настоящих шпионов на первый план, отправить их в путь с гордым флагом в руках, устранив всякие семантические аллюзии на врачей, борцов с эпидемиями, которые подразумеваются Киплингом. Сопоставление дискурсивной схемы А-версии с версией АОЯ показывает, что уникальность ее содержания и коммуникативной установки достигается посредством сложной схемы перестановок (порядка следования) 33 строк из 81, входящих в стихотворную часть версии АОЯ. При этом все слова (текстоформы) А-версии, за исключением двух, и версии АОЯ идентичны. Иначе говоря, кардинальное смысловое различие создается посредством манипуляций, главным образом, на дискурсивном уровне, а не лексическом. Параллельно рассматривается кардинальный вопрос о социокультурной обусловленности рецепции подобного рода, терминологическими сигналами которой в статье являются *рефракция*, *адаптация*, *доместикация* и *апроприация*. Действуя в поле принимающей культуры как единый комплекс факторов, они неизбежно приводят к появлению переводческих дериватов вроде сугубо «шпионской» А-версии «Марша шпионов», которые отрываются от исходной культуры, от литературной среды, от исходного текста и включаются в преобразованном виде в новую культурную ментальность. Показательно даже то, что «Марш шпионов» привлек к себе внимание молодой советской переводчицы вопреки всякой «объективной» логике – он не пользовался повышенным вниманием в англоязычных странах и позднее не вошел ни в одну из авторитетных антологий поэзии Р. Киплинга. Статья рассматривается как прямое продолжение предыдущей, *Bring us deliverance, spy*, название которой является цитатой из «Марша шпионов» Киплинга (*The Spies' March*); их совместное прочтение обеспечивает более глубокое понимание авторской интенции.

Ключевые слова

Киплинг, Марш шпионов, Оношкович-Яцына, перевод, текстология, дискурсивная схема, дискурсивный анализ, этносемантическая рефракция, доместикация, апроприация

Для цитирования

Боголюбов А. Ф. Об истоках анонимной русской версии «Марша шпионов» Р. Киплинга // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 159–176. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-159-176

On the Origins of the Russian Anonymous *Spies' March* Version

Anatoli F. Bogolubov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The purpose of the article is to try to clarify the genesis of the Russian anonymous version of *The Spies' March* (hereinafter, the A-version), circulating along with its translations by Ada Onoshkovich-Yatsyna (hereinafter, AOY version) and Alla Sharapova, as well as textual variations on the theme of *The Spies' March* by L. Kolosov and

V. Kovenatsky. The textual problem is solved in close connection with the composition (consisting in comparing discourse schemes), translation, linguistic-statistical analysis of complete versions and fragments from them. It has been established that the A-version was not a remake of Kipling's original, but was based on Onoshkovich-Yatsyna's translation. The purpose of the anonymous author-translator was to harmonize the content of *The Spies' March* with its name, that is, to bring the theme of the glorification of real spies to the fore, to send them on a mission with a Proud flag in their hands, eliminating all semantic allusions to doctors (that is fighters against epidemics), which were implied by Kipling. Comparison of the A-version discursive scheme with that of AOY version shows that the uniqueness of its content and communicative attitude are achieved through a complex scheme of permutations, involving the new sequence of 33 lines out of 81 that constitute the poetic part of the AOY version. Herewith, all words (= text forms) of the A-version, with the exception of two, and those of the AOY version are identical. In other words, a cardinal semantic difference is created through manipulations, mainly at the discursive level, but not lexically. In parallel, the cardinal issue of the socio-cultural conditioning of this kind of reception is considered, the terminological signals of which in the article are *refraction, adaptation, domestication and appropriation*. Acting in the field of the receiving culture as a single complex of factors, they inevitably lead to the emergence of translation derivatives like a purely "spy" A-version of *The Spies' March*, which break away from the original culture, from the literary environment, from the original text and are included in such a rearranged form in a new cultural mentality. It is even indicative that *The Spies' March* for some mysterious reasons attracted the attention of a young Soviet woman-translator in 1922 and contrary to any "objective" logic: it did not enjoy increased attention in English-speaking countries and, as Thomas Pinney noted later, did not enter any of the authoritative anthologies of R. Kipling's poetry. However, in Soviet Russia and later, his *Spies' March* has given rise to a number of free, wild or professional variations all of which are meant eventually to bring tribute to this Rogue Bard (if not an Odd Duck) of the British culture sometimes accused of being more a writer of verses than a true Poet. The article is a direct continuation of the previous one, *Bring us deliverance, spy*, the title of which is a quote from *The Spies' March*; reading them together provides a deeper understanding of the author's intention.

The paper includes three major parts: 1) Comparative textual analysis of the A-version with the complete AOY-version on which the first one is considered to be based since it "quotes" about 35 % of its lines, rearranging them in an extremely sophisticated way; 2) Comparative analysis of the versions' language statistics including the number of words, number of characters with and without spaces, average word length, two indexes of text size conversion, namely, compression and expansion; 3) Discussion section which dwells on Kipling's comparative place and reputation in the English and Russian (Soviet) culture. His artistic expression, in particular, his poetry has been and still is valued much more in this country than in England where he is now considered, first of all, to be an "imperialist and racist".

Keywords

Kipling, Spies' March, Rogue Bard, Russian versions, textology, discursive analysis, rhetoric organization, ethno-semantic refraction, domestication, appropriation

For citation

Bogolubov, Anatoli F. On the Origins of the Russian Anonymous *Spies' March* Version. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 159–176. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-159-176

Введение

Мало кто подозревает, что стихотворение Р. Киплинга, носящее название *The Spies' March*, на самом деле не воспекает шпионов, а посвящено эпидемиологам, что оригинал Киплинга (и его русские дериваты, коих уже несколько) могут служить источником политических формул, готовых для инфо- и политеймента в условиях коронавирусной пандемии, сопрягающих в себе насущную межкультурную проблематику Западно-Восточного дивана¹ (в государственно-поэтической форме) с собственно эпидемиологической.

Причины такого когнитивного смешения как «на родине поэта», так и в России подробно раскрываются в [Боголюбов, 2020]; там же указывается на хождение в русском культурном пространстве альтернативного анонимного перевода «Марша», отбрасывающего всякие «противочумные» озабоченности полноценной версии и превращающего «Марш» в открытый гимн шпионам. При этом были отмечены большие текстовые совпадения между А-версией и версией Ады Оношкovich-Яцына (далее АОЯ).

Действительно, пафосный дух «Марша шпионов» (или, в переводе А. Шараровой, «Шпионского марша») выражен эксплицитно, и это легко подтвердить. Если прогуглить гипер-

¹ 'Диван' в турецком значении *совет*, а не персидском *сборник стихов*. См. [Фефелов, 2015].

текст, то искусственный интеллект сразу обнаружит четыре строчки из этого стихотворения: «Как должен работать шпион? / Наш гордый флаг вознесен, / Каждый на пост свой встал, / И на месте своем шпион». Идея этих строк и смысл указанного названия, будь то русское или английское, прекрасно соотносятся друг с другом. Чтобы подчеркнуть тональность и идею стихотворения анонимный автор, специально переместил свой шпионский героический месседж в самый конец. И тем не менее противоречие имеется – оригинал, в отличие от А-версии, прославляет другую категорию «шпионов», кипплинговские должны быть закавычены.

Налицо какая-то неоднозначность или манипуляция. Ее можно даже вменить Кипплингу-поэту из-за того, что он создал произведение в технике двойного кодирования (подробно описанное в вышеуказанной статье), чем ввел в заблуждение неопытного читателя, создав громадный смысловой разрыв между названием стихотворного произведения смешанной жанровой формы и его содержанием. Тем самым он предоставил возможность опытным читателям (в частности переводчикам) двойку или тройку интерпретировать оригинал, что и стало поводом для создания анонимного гимна шпиону.

Сейчас в филологическом секторе российской науки наблюдается некоторое оживление интереса к поэтическому творчеству Киплинга, и потому напрашивается обзор появившихся в постсоветской России работ, их тематики и проблематики, но в рамках одной статьи это сделать невозможно.

Сравнение дискурсивных схем А-версии и перевода Оношкович-Яцына

В дореволюционный период переводов поэзии Киплинга было сравнительно мало, но инициатором активизации этого процесса в годы нового смутного времени стал Н. С. Гумилев. Его инициатива была продолжена двумя его ученицами, среди которых и главный фигурант этой статьи А. И. Оношкович-Яцына (1897–1935) – вероятно, первая переводчица «Марша шпионов» Киплинга на русский язык. Хотя *The Spies' March* не относится к числу бесспорных достижений Киплинга, она все-таки включила его в свой первый сборник переводов в 1922 г. под названием «Избранные стихотворения», который принес ей широкую известность (см. [Пичугина, Поплавская, 2015. С. 139]).

Русский интерес к «Маршу» примечателен сам по себе тем, что на родине автора, точнее в странах ближнего англоязычного круга, это произведение не привлекло сколь-нибудь значимого внимания. На это с достоверностью указал совсем недавно Томас Пинни (Thomas Pinney), подробно исследовавший текстологию «Марша» [Pinney, 2010. P. 23]², а в России и затем в Советском Союзе рецепция оказалась совсем другой, совершив переход из переводческой среды в читательскую массу (пусть и специфическую), где он был превращен в своеобразный профессиональный гимн. Для понимания этой серьезной перцептивной рефракции, произошедшей в нашем культурно-языковом пространстве, существенна еще одна деталь: к моменту написания Т. Пинни цитируемой статьи специалисты по Кипплингу уже точно знали, что «Марш» трактует тему борьбы врачей со смертью³ (правда, в очень завуалированной форме), у нас же его постоянно хотели и хотят прочитать в прямом смысле, обнаруживая в нем, конечно же, смерть (но не Смерть!), но не видя там никаких докторов и даже отказываясь признавать их присутствие.

² “‘The Spies’ March’ has not attracted much attention, so far as I know: T. S. Eliot **does not include** it in his influential *A Choice of Kipling’s Verse* (1941), **nor does** Daniel Karlin in his excellent anthology of Kipling (*Oxford Authors Series*, 1999); Joyce Tompkins, best of Kipling’s commentators, **does not mention** it (*The Art of Rudyard Kipling*, 1959); **nor do** Charles Carrington and Andrew Lycett in their indispensable *Lives of Kipling* (1955; 1999). Peter Keating, in *Kipling the Poet* (1994), **passes over it silently**”. Выделено мной. – А. Б.

³ <...> it is an added interest that it deals with *his favourite subject of the struggle between doctors and death* [Pinney, 2010. P. 23]. Выделено мной. – А. Б.

Мы исходим из предположения, согласно которому анонимная версия «Марша» (далее А-версия) представляет собой не оригинальный перевод, выполненный «третьей стороной» самостоятельно, а переработку неким третьим лицом полноценного перевода АОЯ с целью, как теперь трактуют иногда культурные заимствования, *апроприации* идеи оригинала. Предполагать, что А-версия тоже сделана самой Оношкович-Яцына для, так сказать, поднятия самооценки «презренного» шпионского люда или по заказу шпионского сообщества, можно, однако такие гипотезы сравнимы с увлекательными фантазиями, коих много теперь в «широкой печати». В пользу такого переводческого дублета говорит только ссылка № 179 из романа А. Куланова ⁴, посвященного описанию жизни и деятельности внешнего агента разведслужбы НКВД Романа Кима, работавшего в Японии, но не занимавшегося борьбой с эпидемиями. Глава 9 этого романа о Романе «УШИ К РЫБЕ» начинается с эпиграф-цитаты: «Смерть – наш Генерал, Наш гордый флаг вознесен, Каждый на пост свой встал, И на месте своем шпион». В ссылке № 179 перевод этих строк приписывается А. И. Оношкович-Яцына ⁵, но это, вероятно, сделано А. Кулановым без проверки истинного авторства.

В канонической версии Марша, доподлинно принадлежащей Оношкович-Яцына, никакого «гордого флага» нет, в ней есть *Желтый флаг* (с большой буквы, как и в английском оригинале!), который дискурсивно связан с «генералом» Смерть ⁶. Эпитет *гордый* является главным лексическим маркером-идентификатором шпионской рефракции стихотворения и несет на себе весь пафос А-версии. Однако семантическая связь с генералом Смерть в ней полностью переосмысливается.

В полном или частичном виде А-версия обычно цитируется представителями российского шпионского сообщества или дружественными им сайтами. Приведем только два примера подобной рецепции этого «Марша» в гипертексте.

Л. Колосов ⁷, долго совмещавший работу журналиста-международника и разведчика, «оправдывается» как раз длинной цитатой из «Марша». Он приводит ее по версии ОАЯ, а не по анонимной, при этом без должной разбивки на строфы, объединяя в одно стихотворение ее вторую и предпоследнюю строфы и создавая тем самым свою новую формально-смысловую вариацию на тему оригинала:

Не там, где летит эскадрон,
 Не там, где ряды штыков,
 Не там, где снарядов стон
 Пролетает над цепью стрелков,
 Не там, где раны страшны,
 Где нации смерти ждут,
 В честной игре войны, –
 Место шпиона не тут...
 Не хочет ли он обмануть?
 Не в засаде ли он сидит?
 Что ему преградило путь?
 Выжидает ли он, иль разбит?
 Не слышно его почему?
 Не отступает ли он?
 Узнай, проберись к нему!
 Вот твое дело, шпион!

⁴ Куланов А. Роман Ким. гл. 9, ссылка № 179. URL: <https://www.rulit.me/books/roman-kim-read-455131-62.html>.

⁵ Там же.

⁶ Подстрочник *The Spies' March* см. [Боголюбов, 2020].

⁷ Колосов Л. Разведчик в Вечном городе. Операции КГБ в Италии. URL: <https://dom-knig.com/author/44822>.

Его комментарий очень оригинально, не по Киплингу и не по переводам Оношкович, раскрывает строку «*Место шпиона не тут*». «Не тут» значит «не на той войне» в переносном или буквальном смысле, которая описывается Киплингом, не на фронте, не в разведгруппе при подготовке наступления, а где-нибудь в офисе, редакции, ресторане, на приеме у крупной шишки, иногда даже в постели.

Но если эта дискурсивная перекомпоновка версии в целях создания на ее базе марша настоящих шпионов носит алеаторный характер, то в А-версии, размещенной на как бы шпионском сайте Галковского «Утиная правда»⁸, перекомпоновка предстает уже как изощренная. Для ее экспликации требуется описать композиционную структуру А-версии «Марша» в сопоставлении с полной версией АОЯ. В целях атрибуции мотивирована именно такая пара, тогда как сопоставление с переводом А. Шарاپовой было бы абсурдным за отсутствием текстовых соответствий.

Комментарий в самой таблице поясняет сдвиги между ними.

Анонимная шпионская версия «Марша»	Комментарий
<p><i>Народы, Страны, Цари, Приказы свои говори, Как должен работать шпион?</i></p>	<p>Эта вводная строфа заимствована полностью из строфы № 3 версии АОЯ.</p>
<p><i>Не там, где летит эскадрон, Не там, где ряды штыков, Не там, где снарядов стон Пролетает над цепью стрелков, Не там, где раны страшны, Где нации смерти ждуют, В честной игре войны, – Место шпиона не тут.</i></p>	<p>Эти строки взяты из строфы № 1 версии АОЯ. Возникло два логических рассогласования: «не там» не отвечает на вопрос «где?», а «не тут» может трактоваться как угодно (ср. выше Колосов).</p>
<p><i>Пикет обойди кругом, Чей облик он принял, открой, Стал ли он комаром Иль на реке мошкаррой? Сором, что всюду лежит, Крысой, бегущей вон, Плевком среди уличных плит - Вот твое дело, шпион! Редких выстрелов звук, Похороны вдали, Наши огонь открыли вдруг, И трупы в траву легли. В панике города, Воздух сёл заражен, Значит, война тогда, – И за работу, шпион!</i></p>	<p>Первые 8 строк этой длинной строфы взяты без изменений из строфы № 4 АОЯ. Но ее девятая строка [(<i>Барабан</i>) – <i>Мы ходим под смертью, шпион!</i>] опущена. Следующие 6 строк – из строфы № 3 АОЯ. Но ее рефрен <i>Народы, Страны, Цари, приказы свои говори, Как должен работать шпион?</i> (<i>Барабан</i>) – <i>Мы ходим под страхом, шпион!</i> опущен (а часть стала началом А-версии).</p> <p>Референция местоимения в строке <i>Чей облик он принял, открой</i>, утратилась полностью. Кто «он»?</p>

⁸ Редьярд Киплинг. Марш шпионов. 02.08.2006. URL: <https://galkovsky.ru/upravda/archive/366.html>.

<p><i>Смерть – наш Генерал, Наш гордый флаг вознесен, Каждый на пост свой встал, И на месте своем шпион.</i></p>	<p>Окончание – это средние строки из строфы № 2 АОЯ, но на этот раз в них внесено одно важное лексическое изменение и два синтаксических.</p> <p><i>Смерть – наш Генерал. Желтый флаг вознесен, Каждый на пост свой стал, И на месте своем шпион.</i></p> <p>Кроме того, рефрен строфы № 2 <i>Народы, Страны, Цари, приказы свои говори, Как должен работать шпион? (Барабан) - Мы ходим под страхом, шпион!</i> опущен.</p>
--	--

Другие опущения приходится описывать отдельно, поскольку они не вписаны в текст А-версии.

1. Полностью опускается прозаический пролог в форме отрывка из дневника врача-эпидемиолога (109 слов, 412 знаков без пробелов и 520 знаков с пробелами).

2. Полностью опускается вступление хорового характера из четырех длинных сдвоенных строк от имени врачей-эпидемиологов, называющих себя шпионами. Объем этого вступления отдельно не указывается, потому что, отличаясь метрически, оно все-таки входит в основной текст (но наш счет строф идет со следующей!).

3. Убираются все детали, связанные с намеками на противочумное содержание работы шпионов, а именно:

3.1. Почти вся строфа 1 полной версии АОЯ.

Мы для других услуг,
Мы знамя несем в чехле,
Нам черед – коль Смерть разбушуетя вдруг
На фронте по всей земле.

<...>

Где чума распростерла тени над множеством царств и владений, –
Там за работу, шпион!

3.2. Строфы 5–7 удалены полностью, хотя описанная в них работа носит вполне разведывательный характер: она привычна в боевой обстановке. Вместе с ними теряется всякая референция на Апокалипсис, которая хорошо видна в оригинале, где почти все маркеры библейского содержания пишутся с заглавной буквы, но сильно ослаблена в версии АОЯ, ставшей уже «атеистической».

«Что он готовит и где?
Когда наступать решил?
На земле, в небесах, на воде?
Как обойти его тыл?

Если сжечь запасы еды,
Умрет ли от голода он?
Проникни в его ряды –
Вот твое дело, шпион!»
(Барабан) – Берись за работу, шпион!

«Он не хочет ли нас обмануть?
Не в засаде ли он сидит?

Что ему преградило путь?
 Выжидает он иль разбит?
 Не слышно его почему?
 Не отступает ли он?
 Узнай, проберись к нему!
 Вот твое дело, шпион!»
 (Барабан) – Добудь нам ответ, шпион!

«Подпруга с подпругой скачи,
 Где Конь Блед летит без дорог,
 Землю слушай в ночи,
 Расскажи, что знает песок.

Дым нашей мѹки бел,
 Где сожженный лег легион:
 Что нам за дело до душ и тел?
 Дай нам спасенье, шпион!»

Перекомпоновка, описанная в комментарии, схематически выглядит так:

	Про-лог	Вступ.	C1	C2	C3	C4	C5	C6	C7
АОЯ	+	+	+	+	+	+	+	+	+
А-версия	0	Из C3 АОЯ	C1 АОЯ	C4 + C3 АОЯ	Из C2 АОЯ	–	0	0	0

Символ «0» обозначает полное отсутствие материала из версии АОЯ.

Лингвостатистическое сопоставление версий

Текстологический анализ нужно дополнить лингвостатистическим, из многочисленных параметров и показателей которого достаточно остановиться лишь на базовых, указанных в колонках и графах таблицы. Исключается лишь число слогов, поскольку метрика двух версий и оригинала не имеет здесь значимости [Фефелов, 2005].

Статданные показывают, что анонимная версия, представляющая собой концентрированное переложение шпионского содержания «Марша» по переводу АОЯ, все-таки слегка отличается от нее по средней длине слова (на 0,17 знака)⁹. Объем сопоставляемых фрагментов совсем небольшой, но списывать это отклонение на погрешность не обязательно. Дело, вероятно, в том, что в строках, отобранных для А-версии, слова оказались чуть-чуть длиннее.

По числу знаков с пробелами А-версия составляет 36,44 % от версии АОЯ и 33,76 % оригинала Киплинга. Данное расхождение между цифрами связано с разной СДС в поэтической части текста у Оношкович-Яцына и Киплинга (4,6404 и 4,0776 соответственно).

На базе показателей размера текста (в знаках с пробелами) легко определяется и индекс сжатия А-версии по сравнению с версией АОЯ: $100 - 36,44 = 63,56 \%$, что дает индекс сжатия (компрессии) по числу знаков без пробелов, равный $-0,6356$. Другими словами, А-версия сжимается на $-0,6356$ объема версии АОЯ, принимаемого за 1.

Аналогично рассчитывается и показатель сжатия по числу слов в парах А-версия / Киплинг и АОЯ / Киплинг.

⁹ Средняя длина поэтического слова – это результат деления числа знаков без пробелов на число слов в поэтической части текста. Для пролога СДС рассчитывается отдельно.

От букв Киплинга в А-версии осталось лишь 33,76 %, а от слов – 30,33 %. Разумеется, такие объемы компрессии выходят за рамки ожидаемых для нормативного переводческого процесса. В направлении перевода *от английского* к русскому в русском ПТ число слов в норме сжимается по различным причинам примерно на 15 %, тогда как число знаков с пробелами остается примерно тем же самым, имея тенденцию к очень незначительному росту. Такие пороги являются объективными [Фефелов, 2005]. Показатели сжатия А-версии ясно указывают на то, что со стороны ее автора имело место массивное вторжение в ИТ, кому бы он не принадлежал – Киплингу или А. Оношкович-Яцына.

Родство с версией ОАЯ, не подтверждаемое статистикой, легко выявляется, однако, с помощью сопоставительного лексического анализа и сравнения дискурсивных схем.

Тем не менее лингвостатистика доказывает свою полезность при сопоставлении нескольких полноценных версий с оригиналом. Комплекс показателей сразу укажет на наличие расхождений (конечно, различной глубины) между переводческими перевыражениями¹⁰ оригинала. В силу того, что «Марш» Киплинга не пользуется среди русских переводчиков повышенной популярностью, мы имеем возможность сравнить лишь версии АОЯ («Марш шпионов») и А. Шараповой («Шпионский марш»).

Число строк у обеих больше, чем в оригинале, где их 74. При этом у АШ их на 3 больше, чем у АОЯ: 81 и 84 соответственно. Обе не хотят воспроизводить *verbatim* метрику оригинала, не особо искажая ее при этом.

Дело в том, что «вступление» Марша, идущее за «прологом», *визуально* организовано иначе, чем все следующие строфы: оно состоит из четырех длинных строк с внутренней рифмой. Функция такой визуализации состоит, вероятно, лишь в том, чтобы показать (в прямом смысле) их особую роль в композиционной структуре стиха. Если же их поделить на две по образцу всех следующих далее строф, то число строк автоматически возрастет, что, однако, не сильно влияет на восприятие стиха. Так, если он воспринимается в устном предьявлении, то адресат лишается даже возможности заподозрить какое-то бы ни было отступление. Совсем другое дело – резкое аномальное уменьшение числа строк имплицитное, например, в показателях словесного и знакового объема А-версии, в которой всего 33 строки.

В самом деле, весь пафос А-версии заключен в последнем четверостишии (там, где гордый флаг вместо желтого. – А. Б.), а предмет речи обозначен в первых трех строках. Вся остальную детализацию можно отнести к переменным составляющим текста, поскольку никакой сюжетной линии (т. е. рассказа¹¹) в оригинале нет и скрепить логично эти подробности нечем, так как логика действия отсутствует. Киплинг надеялся ведь, что в «Марше» адресат увидит описание типичной эпидситуации с ее характерными чертами, а не рассказ о ней, не *story*. Рассказ мог бы начаться после последнего воззвания к шпиону со стороны царей, принцев, держав, народов и королей – «Принести нам спасенье, шпион!» – и тогда шпиона пришлось бы персонализировать (подробнее в: [Боголюбов]). Но именно в этот момент Киплинг поставил точку, позволив его потомкам вернуться к аналогичной ситуации век спустя с пандемией 2020 года¹².

Детализация мысли, о которой сказано выше, подразумевает работу со словами, а цифры показывают, что слов в версии АШ значительно больше, чем у АОЯ – 393 vs 356. И хотя ее поэтическое и прозаическое слово в среднем немного короче, чем у Оношкович-Яцына (4,5852 vs 4,6404 в поэтической части и 5,5138 vs 5,7532 в прозаическом прологе), прирост показателей по сравнению с Киплингом оказывается значимым, он выходит за рамки пороговых значений, ибо 90,38 и 110,2 % значительно больше, чем должно быть, особенно по числу знаков с пробелами, которые и определяют фактический размер текста.

¹⁰ Это *reexpressions*, а не *rewritings*!

¹¹ Ср. в этой связи оценку Святополка-Мирского: лирический герой Киплинга «не рассказан, не показан, а воспет». Не случайно Святополк-Мирский считал, что в своей поэзии Киплинг «лишен человеческой глубины» (цит. по: [Пичугина, Поплавская, 2015. С. 140–141]), подразумевая под нею, вероятно, психологизм. В его маршах образы коллективные, он, как пишет Мирский, «воспевает» типаж, массу, а не конкретного человека.

¹² В его стране, как и некоторых других, «шпионы» действительно отработали спустя рукава.

Таблица 1

Базовые лингвостатистические характеристики оригинала и двух версий
Марша шпионов

Table 1

Basic linguistic statistics of Kipling's *Spies' March*
 and its two Russian versions

Автор перевода	Общее число слов	Количество знаков		Средняя длина слова, знаков	Индекс расширения / сжатия, %	
		без пробелов	с пробелами		словесного	знакового
Kipling Пролог Строк:	109	412	520	3,779	–	–
Kipling, основ. текст Строк: 74	412	1680	2088	4,077	–	–
А-версия Строк: 33	125	602	705	4,816	К= 30,33 (35,11)	К = 33,76 (36,44)
АОЯ Пролог	77	443	522	5,753	70,6	100,38
АОЯ Строк: 81	356	1652	2014	4.640	86,40	96,45

Таблица 2

Сопоставительная статистика версий ОАЯ и АШ

Table 2

Comparative statistics of ОАЯ and АШ versions

Автор перевода	Общее число слов	Количество знаков		Средняя длина слова, знаков	Индекс расширения / сжатия, %	
		без пробелов	с пробелами		словесного	знакового
АОЯ Пролог	77	443	522	5,753	70,6	100,38
АОЯ Строк: 81	356	1652	2014	4,640	86,40	96,45
АШ Пролог	72	397	484	5,513	66,05	93,07
АШ (основной текст) Строк: 84	393	1802	2301	4,585	90,38	110,2

Краткая дискуссия и заключение

1. А-версия наглядно, как бы в эксперименте, показывает с учетом системной иерархии (т. е. в синергии ее уровней) все факторы, которые влияют на смыслопорождение: на формирование совершенно нового месседжа (идеи) на основе уже существующего текста с заимствованием из него *всех* своих слов и строк (предложений или их частей). Тем самым доказывается, что новый смысл создается не столько лексическими текстоформами и предложениями, сколько модификацией текстовых интегративных связей между ними, то есть выстраиванием новой дискурсивной схемы, в которой значения тех же слов и предложений приобретают новое осмысление, соответствующее вновь сформированному *ключу прочтения*. В нашем случае, это троестишие:

*Народы, Страны, Цари,
Приказы свои говори,
Как должен работать шпион?*

Заключительное четверостишие резюмирует идейный посыл А-версии, закрепляя тем самым точность прочтения новой авторской идеи в полном соответствии с заглавием. Оно полностью лишает оригинал заложенного в него двойного игрового смысла (см. подробный анализ в [Боголюбов, 2020]), воспевая шпионов (классических и, прежде всего, фронтовых разведчиков), а не борцов с пандемиями.

Чрезвычайно показательно то, что компьютерный интеллект (поисковик или программа-антиплагиат), работая со словами, словосочетаниями, предложениями и не обращая внимания на порядок следования последних, не видит отличий А-версии от версии АОЯ.

2. Вопрос об авторстве А-версии остается еще открытым. Вероятно, он таким останется и в дальнейшем. «Теоретически» авторство А-версии можно связать с именами Геннадия Фиша и Валентина Стенича, занимавшихся посмертным редактированием и вторым изданием переводов (1936 г.) Оношкович-Яцына, причем Фиша принято резко критиковать (и даже демонизировать, превращая в злого гения) из-за лексических правок. Никакого по-настоящему доказательного материала, однако, не приводится, есть лишь примеры замены отдельных слов.

Так, претензии Е. Витковского¹³ по поводу искажения версии Оношкович-Яцына редакторской правкой чрезмерны и демонстративны¹⁴. Достаточно посмотреть на свод лексических расхождений между двумя версиями того же «Марша» в другой паре ОЯ vs АШ, в которых есть только три полных совпадения: *Вот твое дело, шпион!*, *Дай нам спасенье, шпион!*, *Конь Блед*¹⁵. Однако на передачу авторской интенции все эти расхождения не оказывают катастрофического влияния, как то можно предположить, опираясь на «арифметику» Витковского. Каждый из авторов может с успехом оправдать необходимость своих переводческих решений какими-нибудь художественно-эстетическими причинами, призвав читать весь текст как единое целое, а не как совокупность поставленных рядом друг с другом слов, чем часто грешат критики-буквалисты, многочисленные в академической среде, при оценке переводов и их анализе. Пример тому чуть ниже: прекрасным русским поэтическим эквивалентом английскому слову-образу *boots* из одноименного стихотворения Киплинга в русском

¹³ Витковский Е. Империя по имени Редьярд Киплинг (Киплинг) // Против энтропии (Статьи о литературе). URL: http://knigo.com/v/WITKOWSKI/s_entropia.html.

¹⁴ Вот пример демонизации, типичной для литературного сообщества: «Ее переводы для издания 1936 года переработывал, переписал и переувеличил <...> совсем не Валентин Стенич, а другой “мастер стихотворного перевода” – Геннадий Фиш (1903–1971). Часть переводов он изуродовал настолько, что решил о соавторстве объявить – под “Мэри Глостер” и “Саперами” появилась двойная подпись, прочие переводы он перелицевал меньше <...>» Витковский Е. Империя по имени Редьярд Киплинг (Киплинг) // Против энтропии (Статьи о литературе). URL: http://knigo.com/v/WITKOWSKI/s_entropia.html.

¹⁵ Это выражение представляет собой нечто вроде «поэтизма», понравившегося переводчицам; в Откровении от Иоанна, которое косвенно присутствует в «Марше шпионов», такого коня нет, есть бледный (см. подробнее [Боголюбов, 2020]).

будет слово *пыль*, тогда как прямое словарное *сапоги/сапог* невозможно вписать в ритмомелодику исходного текста.

Е. Витковский имеет склонность «придираться» к словам, автоматически экстраполируя реальные или мнимые отступления от словарных значений на все произведение. Такова, в частности, критика перевода рефрена «*There's no discharge in the war*» из стихотворения на тему Англо-бурской войны¹⁶, в котором Витковский ратует за выбор эквивалента на основе словарного соответствия «выстрел». В издании 1922 года Оношкович-Яцына выбрала другой: «*Нет сражений на войне*», а «придирчивый» Фиш исправил на «*Отпуска нет на войне!*» и тем якобы все испортил¹⁷. Рассмотрим этот момент в материале.

В контексте 2-й Англо-бурской войны английский рефрен и оба соответствия указывают на отсутствие военных действий, на затишье¹⁸. Это случается; в 1939–1940 годах подобное затишье получит название Странной войны (*Drôle de guerre*) применительно к первому периоду войны между Германией и Францией, впечатлившей полным бездействием армий после объявления войны. Но, если поискать факты в тексте, то выяснится, что в стихотворении «Пыль»¹⁹ (8 строф), с пояснением названия ‘пехотные колонны’, имеется в виду совсем другое – мы устали глотать дорожную пыль, от нее никуда не деться, мы сходим с ума, никаких боев нет, а передохнуть нельзя! Фиш к такому смыслу ближе, чем АОЯ, вариант которой сообщает об отсутствии сражений на войне.

Пыль

(Пехотные колонны)

День-ночь-день-ночь – мы идем по Африке,
 День-ночь-день-ночь – все по той же Африке –
 (Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
 Отпуска нет на войне!

<...>

Я-шел-сквозь-ад– шесть недель, и я клянусь,
 Там-нет-ни тьмы – ни жаровен, ни чертей,
 Но-пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог,
 И отпуска нет на войне!

Редактору следовало бы вмешаться также в цитируемый ниже контекст из стихотворения «Мировая с медведем», переведенного Оношкович-Яцына и напечатанного в том же сборнике²⁰:

¹⁶ Английское название другое: *Boots (Infantry Columns)*. – А. Б.

¹⁷ Но время реабилитировало Г. Фиша. На одном из английских сайтов, посвященных разбору содержания этого стихотворения, на первый план выходит как раз его правка, которая актуализирует значение «увольнительная, отпуск = leave»! Вот факты: «<...> The soldiers would march for weeks with no one to fight, but because the war was still on, they couldn't take leave (“There's no discharge from the war”)). И далее – идея стиха: «The endless marching with nothing to do but stare at the boots in front of you is maddening». <...> Somewhere there is audio of Kipling himself reading this poem. In his short preface, he talks about how few people can understand the stresses on an infantrymen during a long forced march» [URL: <http://www.eliteskills.com/c/4324>].

¹⁸ Кстати, в «Марше шпионов» в этих же целях используется слово *lull*.

¹⁹ Редьярд Киплинг. Избранные стихотворения. Пер. А. И. Оношкович-Яцына (В издании 1990 г. фамилия дается чуть иначе: Оношкевич-Яцына. – А. Б.). Ср. у Л. Ошанина: «Эх, дороги! Пыль да туман...» и далее: «Вьется пыль под сапогами – степями, полями. / А кругом бушует пламя / Да пули свистят». У Киплинга же только сапоги, которые метонимически имплицитно поднимаемую ими пыль, однако он *ни разу* не называет ее прямо. Но английское *boots* в когнитивном отношении хуже, чем эквивалент *пыль*, хотя фоносемантически повтор односложного слова *boots* прекрасно передает механический и одуряющий ритм движения (cf. *maddening*) солдатских сапог. Тем самым стих превращается в очередной марш. Отсюда и замечание анонимного комментатора о тяготах пехоты во время форсированного марша (ср. совр. понятие ‘марш-бросок’).

²⁰ Киплинг Р. Избранные стихотворения, 1936. С. 62.

Из каменной пещеры, где гордых сосен ряд.
Тяжелый от обеда, бежал медведь Адам-зад, <...>

Ради рифмы она произвела усечение нобилиарной частицы персидского имени Адам-заде (это и есть русский медведь, которым пугает К.), создав пейоративный эффект там, где его не было и на такой единице, играть с которой очень опасно по причинам межкультурной этики.

Впрочем, в принципе, Витковский не против исправлений, хотя и не пользуется понятием этносемантическая рефракция (см. о ней: [Фефелов, 2016]); он понимает, что при релокации текста в новую культурную среду иногда **нужно** править даже оригинал, причем воспеваемый и защищаемый им Киплинг не составляет исключения. Это неизбежно, когда новая культурная среда сама требует этого и «произведет» коррекцию, если переводчик откажется от учета ментальности своего адресата и калькирует текст. Так, в очередной раз вознося хвалы Киплингу (на этот раз автору сказок), он одновременно (столь же демонстративно) возмущается тем, что у него «пантера Багира по-английски... мужского рода»²¹.

Эту лингвистическую *monstrosity* литератора-публициста акцентировать дальше не будем. Отметим лишь, что в английском языке нет *грамматического* рода, поэтому ни пол, ни гендер *морфологически* не сигнализируются, но в английской жизни пол, сколько вы ни убирайте его из нынешних анкет, все-таки присутствует²² и описывается в ней всей совокупностью гетеросемиотических (полимодальных) средств как морфологическая, психологическая и поведенческая категория. Витковский именно психологию (а не грамматику) и имеет в виду, продолжая: «Весь характер черной пантеры – женственный, перечтите “Маугли”! Определенно автор-англичанин²³ не прав. Хоть плачь, хоть смейся, хоть исправляй английский оригинал»²⁴.

Однако ничего из указанного делать, на наш межкультурный взгляд, не нужно. Рефракции подобного рода, присутствующие в переводах, закономерны; их механизм описан достаточно подробно, например, в [Фефелов, Фёдорова, 2014], причем тоже на примере кошачьих. Этого «требует» принцип, регулирующий языковую связь между «святой троицей» в виде триединства познания / сознания / мышления, с одной стороны, и действительностью, с другой. Тот, который был сформулирован еще Николя Буало (Nicolas Boileau, 1636–1711) и постулирует необходимость «*arreler un chat un chat*». Действительно, кошку надо называть кошкой; иначе второе вавилонское столпотворение, к которому ведет нас практика современного мультикультурализма, неизбежно²⁵.

3. Частный прикладной вывод таков: Г. Фиш не совершил ровно никакого преступления ни против Оношкович, ни против Киплинга, ни против Гумилева с Лозинским, которые, как вещает легенда, «утверждали» переводы Оношкович-Яцына из Киплинга, опубликованные в 1922 г. Его вариант лучше и понятней, чем у Оношкович с наставниками, хотя для окончательного решения этого «казуистического» противоречия нужно еще пять-шесть дополнительных профессиональных переводов. Когда их будет достаточно, норма культурной рецепции сможет утвердиться всей совокупностью этих вариантов, а мы сможем вычленить так

²¹ Витковский Е. Указ. соч. URL: http://knigo.com/v/WITKOWSKII/s_entropia.html

²² Если англосаксы (Запад) будут упорствовать в этом и дальше, то Востоку, во многих языках которого категория грамматического рода тоже отсутствует, а овцы есть, придется напомнить забытое и подсказать, как определяется пол у упомянутых животных – на ощупь, тактильно. «Гендер» же в их морфолого-семантической логике – иначе: если *заблела*, то овца, а если *заблелял*, то овец. А баран уже превращен в совершенно отдельную гендерную ипостась.

²³ Это утверждение требует коррекции, хотя и кажется очевидным – американец Элиот против. Он писал, что Киплинг мало похож на англичанина (см. [Пичугина, Поплавская, 2015. С. 142–143]), что, однако, не помешало ему назвать свою статью «Киплинг – народный поэт». Элиот высказался непривычно и по другому чувствительному для русскоязычного пункта: Just So Story нельзя рассматривать как образец типичной детской литературы, в ней открывается более глубокий смысл [Там же. С. 143].

²⁴ Витковский Е. Указ. соч. URL: http://knigo.com/v/WITKOWSKII/s_entropia.html

²⁵ Англоговорящие уже видят за этим словом *чат*, а русские *Чатских*.

называемый нейтральный вариант передачи²⁶, идею которого предложила недавно Е. Э. Разлогова [2017] и который можно рассматривать как этносемантическую реакцию новой культурной среды, а не чью-то субъективную.

4. Г. Фиш при этом не утаивал своего соучастия, он указывал себя в числе соавторов перевода, и это значит, что к созданию А-версии он, highly likely, отношения не имел. Атрибуцию А-версии можно начать с сайта «Утиная охота» Галковского, где она и выложена в полнотекстовом варианте, при том что других источников поисковики в интернет-пространстве не обнаруживают. Однако феномен как таковой гораздо интереснее, чем истинность самой атрибуции.

Версия представляет собой преднамеренную переделку-доместикацию в интересах своего «шпионского» российского адресата; никакой другой славы неизвестному автору не нужно. Таких переделок оригиналов в истории межкультурной коммуникации возникало уже очень много; это, собственно, и породило понятия *культурального перевода*, *адаптации* и *доместикации*, когда оригинальная авторская позиция, оказываясь иррелевантной для принимающей культуры, отодвигается на второй план, а на первый выходит то, что автор считает вторичным, фоновым [Фефелов, 2018. С. 133–169].

Злая сатира Swift'a, например, направленная против британского правящего класса и предназначенная для поучения отпрысков из семей джентльменов, в России и в СССР теряет свой смысл в силу культурно-исторических расхождений в укладе жизни; у нас даже само понятие 'джентльмен' полностью феминизировалось и трансформировалось еще до появления теоретического феминизма. То, что он пишет о своей Королевской академии наук (Британском королевском обществе), и сейчас читается как непристойность и разнузданность, созданная раздраженным человеком и совершенно недопустимая в массовом публичном пространстве. На первый план в наших переложениях вышла идея некоего увлекательного фантастического путешествия, форма победила исходное содержание, и «Путешествие» стало у нас книгой для детей.

Кстати, и Киплинг стал в постсталинском СССР, то есть во второй период своей популярности, детским писателем-прозаиком, мастером рассказа²⁷, но по другой причине – из-за труднодоступности своей поэзии.

5. Всякая яркая иностранная книга в принимающей культуре может служить развитию жанра «по мотивам», это фундаментальный закон межкультурного общения, который не признавал и не признает никаких авторских прав и авторского «суверенитета». Обработке и дальнейшему развитию подвергаются чаще всего яркие образы, высказывания и идеи, которые легко отрываются от «балластного» наполнения оригинала и начинают в новой культурной среде жить своей собственной жизнью. Киплинг дал нам такую возможность с «Маршем шпионов» и с «За цыганской звездой», которая (в своем усеченном переводе варианте) принадлежит русской культуре в гораздо большей степени, чем той, которую представляет автор и которая – вместе со всей Европой – относит их к категории бродяг, побирушек и тунеядцев. Никакой звезды в названии оригинала нет, есть *trail* (то есть *path*, *route*), но идея и пафос стиха требуют путеводной звезды, что и было прекрасно понято в нашем культурном пространстве.

6. А-версию нельзя трактовать как небрежное ученическое обращение со стихом, характерное для первой встречи переводчиков с новым поэтом и чужим языком. Так, О. Н. Чюмина, которой принадлежит «приоритет первого поэта-переводчика, напечатавшего Киплинга

²⁶ Понятие «нейтрального перевода» – это «конструкт, выстраивание которого возможно при наличии не менее десяти переводов одного текста. Туда входят наиболее часто встречающиеся в переводах стандартные решения. Наряду с оригиналом и подстрочником он рассматривается как точка отсчета для анализа конкретных переводов» [Разлогова, 2017. С. 52]. Таким образом, в дополнение к суждениям критиков, появится своеобразная форма голосования представителей искусства.

²⁷ Ср.: Витковский Е. Указ соч.

в России» [Дудко, 2012. С.122]²⁸, из 67 строк оригинала оставила 42, изменила композицию (она стала двучастной), а также полностью изменила размер [Там же. С. 122]. В анонимном переводе видна такая же свобода обращения посредника с материалом, но вызвана она совершенно другими причинами.

Когда подобные «неправильные» со стороны принимающей культуры реакции встречаются при релокации поликодового произведения, например, песен, то протестов и осуждений бывает предсказуемо на порядок меньше. Между тем, есть примеры, когда переделка почти полностью меняет содержание артефакта. Так, известная и некогда популярнейшая советская песня «Одинокая гармонь» присутствует и во французском культурном пространстве в исполнении Ива Монтана (Yves Montand). Музыкальный текст один и тот же, и это создает страшное противоречие, потому что мы считаем, что исполняется песня с идентичным «когнитивным» содержанием, а от него там ничего совершенно не осталось. Наше содержание не легло на французскую ментальность, в нашем все оказалось противно французской культуре и ее духу, поэтому текст (образец прекрасной поэзии!) пришлось поменять. Песня стала называться *Le joli mai*²⁹. В ней нет ни гармонии, ни гармониста, ни его одиночества, ни ночи, девушки не гадают, кто (из них) ему нужен. Единственная оставшаяся слабенькая познавательная связь с оригиналом – беглое упоминание о некоей ушедшей вместе с маем истории любви. Зато появился Париж, легион счастья и многое другое – чуждое, чужое и далекое.

Образы создаются все-таки не только авторами, но и контекстами, и далеко не всегда ясно, что – авторский текст или его социальный паратекст – окажется сильнее и значительнее для адресата той или иной страны³⁰.

7. А-версия не является ни стилизацией, ни пародией, она представляет собой пастиш. Эта жанровая форма основана на стремлении создать свой собственный текст, но выдать его за текст какого-нибудь знаменитого автора, имитировав его стилистику, тематику и манеру письма, как бы отдавая тем самым дань уважения автору³¹.

Социо- или лингвокультурные игры не подчиняются требованию предварительной проверки на достоверность той информации, которая содержится в поэтическом сообщении. Адресант обращается через них к эмоциональному интеллекту адресата, а не к его познаниям в истории, поэзии, литературоведении и прочих высоких или серьезных материях, интересных ученым (scholars). На первый план в этом случае выходит образ большой «игры» (the Great Game), хорошо сыгранной партии, плюс религиозная идея борьбы со злом (прежде всего, чужих), четко прописанная в оригинале Киплинга, и **борьбы** против замыслов и происков врага, оставленная в А-версии, которая была создана по принципу «бьем врага его же оружием». Пожалуй, это было во многом «соцреалистическое» прочтение темы «Марша» в нашей жизни и культуре.

8. В данном случае нужно извлечь другой урок: разночтения указывают на явные трудности в понимании «Марша», который поначалу не мог получить достаточного внимания переводчиков в силу своей тематической отсылки, содержащейся в названии, а авторская аллюзия на эпидемиологов как спасителей от пандемий никого не увлекала.

Даже в постсоветский период нашей литературной истории она казалась бы скорее странной и ненужной, если бы коронавирусная инфекция не актуализировала немного идею автора и не извлекла бы из текста две-три броских политических формулы, составляющих истин-

²⁸ Это была «The Song of the Dead» = «Песнь мертвых» из книги («The Seven Seas», 1896 = «Семь морей»), опубликованная в «профильном» журнале «Мир Божий» за 1897 г., № 11.

²⁹ Французский текст с обратным перевод на русский доступен по адресу https://fr.lyrsense.com/yves_montand/joli_mai#v2 Смотреть нужно Ю. Шагурина, поскольку второй имеющийся – это учебное упражнение в переводе.

³⁰ См. в деталях кейс-стади о взаимодействии текста и паратекста на примере гендерной «атрибуции» Винни-Пуха [Фефелов, 2017], где анализируются все факторы, влияющие на его рецепцию в русскоязычном культурном пространстве.

³¹ «Unlike parody, its purpose is not to mock, but to honor the literary piece it imitates». См. на <https://literarydevices.net/pastiche/>

ную, возможно непреходящую³² ценность произведений Киплинга [Долгов, Старикова, 2015; Старикова, Долгов, 2017]³³.

Список литературы

- Боголюбов А. Ф.** Bring us deliverance, spy! // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 132–153.
- Долгов К. М., Старикова Е. И.** Политика и культура: От политической философии Макиавелли до политических пророчеств Киплинга // Вестник МГИМО. 2015. № 6 (45). С. 40–50.
- Дудко А. Э.** Первые переводы лирики Редьярда Киплинга в России // Вестник Брянского государственного университета. № 2 (1). 2012. С. 122–129.
- Пичугина В. С., Поплавская И. А.** Творчество Д. Р. Киплинга в рецепции русских писателей и критиков первой половины XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2015. № 6 (38). С. 136–146. DOI 10.17223/19986645/38/10
- Разлогова Е. Э.** Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопросы языкознания. 2017. Вып. 4. С. 52–73.
- Старикова Е. И., Долгов К. М.** Редьярд Киплинг: рассказ как политическая формула // Вопросы литературы. 2017 № 1. С. 245–261.
- Фефелов А. Ф.** Оценка ожидаемой длины переводного текста // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 3, № 1. 2005. С. 96–104.
- Фефелов А. Ф.** Геокультурные координаты российской переводческой интерпретанты (Западно-Восточный переводоведческий диван) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 3. С. 55–78.
- Фефелов А. Ф.** Этносемантические свойства культурной среды: рефракция и адаптация // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 3. С. 15–33.
- Фефелов А. Ф., Фёдорова Я. Я.** Борьба авторских и этнокультурных мотивов в трактовке зоонимических образов // Язык и культура в условиях интернационализации образования: Мат-лы междунар. научно-практ. конф. ... Новосибир. нац. исслед. гос. ун-та / отв. ред. Т. А. Перминова, С. И. Филиппов, А. Л. Соломоновская; Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. С. 125–139.
- Фефелов А. Ф.** Текст и паратекст в определении гендера Винни-Пуха и его переводческой семантизации // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 1. С. 24–33.
- Фефелов А. Ф.** Феномен культурального перевода (Глава 4) // Этнокультурные проблемы и дилеммы перевода (критика метафорического разума): монография. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. С. 133–169.
- A choice of Kipling's poetry, with commentaries by Mary Hamer, Craig Raine, Daniel Karlin, Kaori Nagai, Harry Ricketts, Sally Minogue, Alex Bubb, W. H. Auden, R.V. Bailey, Patrick Cock-

³² Примером непреходящей ценности может быть названо в данной связи стихотворение *If* (букв. *Если*). Условия становления идеального человека (мужского пола), и следовательно, идеального общества и, значит, соответствующие морально-этические требования задаются в нем «империалистом и расистом» Киплингом с такой библейской основательностью и строгостью, что кажутся совершенно недостижимыми. См. очень точные и глубокие замечания о достижимости описанного идеала у Одена (W.H. Auden) в [A choice of Kipling's poetry, 2014. P. 28–29].

³³ Раскрывая политический подтекст и затекст творчества Киплинга авторы на его примере проводят свой главный тезис: «Настоящая политика всегда основывается на высшей культуре, ее ценностях и идеалах, а высшая культура неразрывно связана с истинной политикой». Еще более верен для наших дней их вывод о том, что творчество Киплинга в целом представляет собой «воплощение тоски по высшим ценностям и идеалам» [Старикова, Долгов. С. 40]. Именно таков Киплинг глазами советско-российского философа, и с ним трудно не согласиться при внимательном прочтении поэзии Киплинга.

burn, Peter Hitchens, John Lee, Bruce Page, Hugh Brogan. *Kipling's Journal*, 2014, vol. 88, December, no. 358, p. 8–41 (Auden: 28–29).

Pinney, Thomas. Kipling at work: The textual history of “The Spies’ March”. *Kipling's Journal*, 2010, vol. 84, March, no. 335, p. 21–34.

Материалы и источники

Витковский Е. Империя по имени Редьярд Киплинг (Киплинг) // Против энтропии (Статьи о литературе). URL: http://knigo.com/v/WITKOWSKIJ/s_entropia.html.

Киплинг Р. Избранные стихи / пер. с англ. под ред. Вал. Стенича; вступ. ст. Р. Миллер-Будницкой. Л.: Худож. лит., 1936. 272 с.

Ковенацкий В. Марш шпионов (фантазия на тему Киплинга из драмы-феерии «Начальник» Владимира Ковенацкого). URL: <http://kovenatsky.ru/poems/?text=002>

Колосов Л. Разведчик в Вечном городе. Операции КГБ в Италии. URL: <https://dom-knig.com/author/44822>.

Куланов А. Роман Ким. гл. 9, ссылка № 179. URL: <https://www.rulit.me/books/roman-kim-read-455131-62.html>.

Оношковиц-Яцына А. Марш шпионов / Сверен по изданию 1936 г. (см. ниже). URL: http://www.hiperinfo.ru/publ/gumanitarnye_nauki/dzhozef_redjard_kipling_90/4-1-0-20517

Шарапова А. Шпионский марш // Редьярд Киплинг. Стихотворения. М.: Книга, 1990. С. 118–121. URL: <https://stihi.ru/2010/01/19/8479>.

Kipling, R. The Spies’ March / commented by Mary Hamer. URL: http://www.kiplingsociety.co.uk/rg_spies1.htm

References

A choice of Kipling’s poetry, with commentaries by Mary Hamer, Craig Raine, Daniel Karlin, Kaori Nagai, Harry Ricketts, Sally Minogue, Alex Bubb, W. H. Auden, R.V. Bailey, Patrick Cockburn, Peter Hitchens, John Lee, Bruce Page, Hugh Brogan. *Kipling's Journal*, 2014, vol. 88, December, no. 358, p. 8–41 (Auden: 28–29).

Bogolubov, A. F. Bring us deliverance, spy! *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 132–153. (in Russ.)

Dolgov, K. M., Starikova, E. I. Politics and Culture: from Machiavelli’s political philosophy to Kipling’s political prophecies]. *MGIMO Bulletin*, 2015, no. 6 (45), p. 40–50. (in Russ.)

Dudko, A. E. First translations of Rudyard Kipling’s lyric poetry in Russia. *Bulletin of the Bryansk State University*, 2012, no. 2 (1), p. 122–129.

Fefelov, A. F. Cultural Translation (Ch. 4). In: *Ethnocultural Dilemmas and Puzzles of Translation: Critique of the Metaphorical Reason*. In: *Etnokul’turnye problemy i dilemmy perevoda (kritika metaforicheskogo razuma)*. Monograph. Novosibirsk University Press, 2018. p. 133–169.

Fefelov, A. F. Ethnosemantic properties of cultural medium: refraction and adaptation. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, vol. 14, no. 3, p. 15–33. (in Russ.)

Fefelov, A. F. Geocultural Coordinates of the Russian Translation Thought and of its Interpretative Background (East-West Translational Divan). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, p. 55–78. (in Russ.)

Fefelov, A. F. Indexes of Text Size Conversion in Translation. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2005, vol. 3, no. 1, p. 96–104. (in Russ.)

Fefelov, A. F. Text and Paratext in decoding the Gender of Winnie-the-Pooh in Russian translations. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 1, p. 24–33. (in Russ.)

Fefelov, A. F., Fedorova Ya. Ya. Animal Images Construction: Individual Literary Visions vs Collective Ethnocultural. In: *Language and Culture vs International Educational Environment:*

- Conference papers. Ed. by T. A. Perminova, S. I. Philippov, A. L. Solomonovskaia. Novosibirsk University Press, 2014, p. 125–139.
- Pichugina, V. S., Poplavskaya, I. A.** Works of R. Kipling in the reception of Russian writers and critics of the first half of the 20th century. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2015, no. 6 (38), p. 136–146. DOI 10.17223/19986645/38/10 (in Russ.)
- Pinney, Thomas.** Kipling at work: The textual history of “The Spies’ March”. *Kipling’s Journal*, 2010, vol. 84, March, no. 335, p. 21–34.
- Razlogova, E. E.** Standard and Nonstandard variants of translation. *Issues of Linguistics*, 2017, iss. 4, p. 52–73. (in Russ.)
- Starikova, E. I., Dolgov, K. M.** Short Stories as a Political Formula. *Issues of Literature*, 2017, no. 1, p. 245–261. (in Russ.)

Texts and Sources

- Kipling, R.** The Spies’ March / commented by Mary Hamer. URL: http://www.kiplingsociety.co.uk/rg_spies1.htm
- Kipling, Rudyard.** Izbrannye stikhi [Selected poems]. Russian translations ed. by V. Stenich. L.: Khud. lit., 1936, 272 p. (in Russ.)
- Kolosov, L.** Being spy in Rome. KGB operations in Italy / Razvedchik v Vechnom gorode. Operatsii KGB v Italii. URL: <https://dom-knig.com/author/44822> (in Russ.)
- Kovenatskiy, V.** Marsh shpionov (fantaziya na temu Kiplinga iz dramy-feerii “Nachal'nik” Vladimira Kovenatskogo) [*Spies’ March*: free variation on the Kipling’s theme from the enchanting drama “The Chief”]. URL: <http://kovenatsky.ru/poems/?text=002>
- Kulanov, A.** Roman Kim. URL: <https://www.rulit.me/books/roman-kim-read-455131-62.html>
- Onoshkovich-Yatsyna, Ada.** Marsh shpionov (in Russ.) URL: http://www.hiperinfo.ru/publ/gumanitarnye_nauki/dzhozef_redjard_kipling_90/4-1-0-20517
- Sharapova, Alla.** Shpionskiy marsh. (in Russ.). In: Rudyard Kipling. Verses. M., Kniga, 1990, p. 118–121.
- Vitkovskiy, Evgeni.** Empire called “Rudyard Kipling”. Against entropy (essays on literature) / Imperiya po imeni Redyard Kipling / Protiv entropii (Stat'i o literature). URL: http://knigo.com/v/WITKOWSKIJ/s_entropia.html. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
10.05.2020*

Сведения об авторе / Information about the Author

- Боголюбов (Фефелов) Анатолий Федорович**, кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)
- Anatoli F. Bogolubov (Fefelov)**, Cand. of Sci. (Linguistics), Associate Professor, Institute for Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

bobyrgan@mail.ru
SPIN 6759-3782